

435/40.
ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬН. ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ

ВЫПУСКЪ 40

АНТОНІЙ ЛУКОВИЧЪ.

Національная и языковая принадлежность
русскаго населенія Подкарп. Руси.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КАРПАТСКИЙ СВѢТЬ».

УЖГОРОДЪ,
ТИПОГРАФІЯ «ШКОЛЬНОЙ ПОМОЩИ».

1929.

СОСТАВЪ ЦЕНТРАЛЬНАГО ПРАВЛЕНІЯ О-ВА ИМ. А. ДУХНОВИЧА НА 1928—1929 ГОДЪ.

Почетные члены: 1. д-ръ Антоній Бескидь, губернаторъ Подк. Руси, 2. Петръ Гебей, епископъ мукачевскій, 3. д-ръ Алексѣй Петровъ, проф. славяновѣд., 4. д-ръ Антонинъ Гайнъ, посолъ, 5. проф. М. М. Новиковъ, ректоръ Русск. Нар. Ун-та въ Прагѣ, 6. проф. д-ръ Ю. И. Поливка, президентъ Чсл. Академіи наукъ, 7. академикъ В. А. Францевъ, проф. У-та.

Президіумъ: 1. архидіак. Евменій Сабовъ, предсѣдатель, 2. д-ръ Стефанъ Фенцикъ, секретарь дѣлопроизводитель, 3. д-ръ Іосифъ Каминскій, 1-й тов. предсѣдателя, 4. д-ръ Игорь Петрикъ, 2-й тов. предсѣдателя, 5. Стефанъ Медьешій, казначей, 6. Андрей Игнацій, второй казначей, 7. Петръ Сова, бібліотекаръ, 8. Константинъ Ревтій, хозяинъ, 9. д-ръ Э. Вальницкій, 1-й письмоводитель, 10. Павелъ Федоръ, 2-й письмоводитель.

Центральное правленіе: 1. Анталовскій Василій, инспекторъ, 2. д-ръ Бачинскій Эдмундъ, 3. д-ръ Бескидь Александръ, 4. Бродій Андрей, редакторъ, 5. д-ръ Бескидь Николай, 6. д-ръ Гаджега Юлій, проф. богословія, 7. д-ръ Ілья Гаджега, предсѣд. седри, 8. д-ръ Гомичковъ Владиміръ, 9. Добошъ Иванъ, инспекторъ, 10. Дюлай Іосифъ, проф. богословія, 11. Драгула Николай, директоръ гимназіи, 12. Карцубъ Викторъ, архидіаконъ, 13. Кизакъ Іоаннъ, каноникъ-профессоръ, 14. Коссей Алексѣй, архидіак., 15. д-ръ Мачикъ Константинъ, замѣст. предс. суд. табулы, 16. Ковачъ Иванъ, упр. нар. шк., 17. Микита Михайль, профессоръ, 18. о. Бокшай Иванъ, 19. д-ръ Петригалла Петръ, гор. гол. г. Мукачева, 20. Поливка Иванъ, б. инсп., 21. Поповичъ Андрей, учит., 22. Юричковъ Василій, учитель, 23. Стасева Феодора Ю., препод. гимн., 24. инж. Стрипскій А., 25. д-ръ Сулинчакъ Василій дир. гимн., 26. Ханатъ Ириней, свящ., 27. Хромякъ Іосифъ, проф., 28. Шпеникъ Василій, инспекторъ.

Контрольная коммисія: 1. Станкай Юлій, канон., 2. Риганъ Михайль, нотар., 3. Федоръ Стефанъ, инсп., 4. Стрипскій Августинъ, инж., 5. Гаталякъ Петръ, директ., 6. Черній Исидоръ, чиновникъ.

СЕКЦИИ О-ВА: I. Научно-литературная: 1. д-ръ А. А. Бескидь, 2. д-ръ Вальницкій Эм., 3. Гендеръ Иванъ, 4. Василенковъ Василій, 5. Дюмидовъ Петръ, 6. Кудронъ Михайль.

II. Организационно-просвѣдительная: 1. Поливка Иванъ, 2. Федоръ Павелъ, 3. Федоръ Стефанъ, 4. Игнацій Андрей, 5. Лизакъ Иванъ, 6. Араній Іосифъ.

III. Издательская: 1. Медьешій Стефанъ, 2. Сова Петръ, 3. Невесный Эмилианъ, 4. Карпинецъ Эммануиль, 5. Стрипскій Августинъ.

IV. Театральная: 1. Куфтина-Полуэктова О. А., 2. Сова Мелетина, 3. Цуркановичъ Иларіонъ, 4. Араній Іосифъ, 5. Молнаръ Гавріиль, 6. Романъ Стефанъ.

V. Музыкальная: 1. Медрецкій Стефанъ, 2. Якоушъ Вацлавъ, 3. Ковачъ Николай, 4. д-ръ Ст. А. Фенцикъ, 5. Бальцаръ Владиміръ.

VI. Хоровая: 1. Федоръ Павелъ, 2. Крайнякъ Николай, 3. д-ръ Осипъ Ройковичъ, 4. д-ръ Ст. А. Фенцикъ, 5. г-жа Задорова.

VII. Союзъ Русскихъ Женщинъ: 1. Гуловичъ Белла Стеф., (Мукачево), 2. Стасева Феодора Юліановна, (Ужгородъ), 3. Гаталякъ Этель, 4. Медьешій Марія, 5. Бескидь Ольга Андреевна, 6. Дубай Анна, (Пряшевъ).

VIII. Русскій Историч. Архивъ: 1. д-ръ Гаджега Ілья, 2. Стойка Александръ, 3. д-ръ Савчинскій Григорій, 4. д-ръ Шкирпанъ Наталья, 5. Добошъ Иванъ.

IX. Народные дома: 1. Гаталякъ Петръ, 2. Ковачъ Иванъ, 3. д-ръ Ст. А. Фенцикъ, 4. Сова Петръ, 5. Парлагъ Михайль.

X. Спортивная: 1. д-ръ Каминскій Іосифъ, 2. Бродій Андрей, 3. Шпеникъ Александръ, 4. Збѣглей Іосифъ, 5. Ройковичъ Іосифъ.

06
10
ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬН. ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ

ВЫПУСКЪ 40

Дар, 286-15 / 14 50
АНТОНІЙ ЛУКОВИЧЪ.

13.459
Львів. Бібліотека
АН. УРСР

Національная и языковая принадлежность
русскаго населенія Подкарп. Руси.

32.435/40.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КАРПАТСКИЙ СВѢТЪ».

Каузон.

ужгородъ,
ТИПОГРАФІЯ «ШКОЛЬНОЙ ПОМОЩИ»
1929.

T3(242333) 0-7

Вопросъ о національной и языковой принадлежности русскаго населенія Подкарпатской Руси разными подкарпатскими и украинскими писателями рѣшается тенденціозно и не научно. Въ вопросъ **научный** вносится **политика**, хотя данный вопросъ является прежде всего проблемой національнаго образованія, то есть **педагогическимъ вопросомъ**, слѣдовательно не можетъ считаться монополіей политиковъ.

Въ виду того, что разбираемая мною тема является одной изъ сложныхъ и многогранныхъ проблемъ «**націй**» и «**языка**», — основательное философское освѣщеніе ея считаю необходимымъ условіемъ научнаго подхода къ ней. Не менѣе желательнымъ долженъ считать освѣтить данный вопросъ съ точки зрѣнія лингвистики, языковѣдѣнія.

Выдвинутая мною проблема есть одной изъ проблемъ возрожденія угнетенныхъ до переворота національностей, бывшей Австро-Венгерской монархіи, тождественной съ проблемой «инородческой школы» въ Россіи, и вопросомъ «областной педагогики» во Франціи и Англіи.

Новѣйшимъ толчкомъ, исходной точкой нашего «языковаго вопроса», является трактатъ о меньшинствахъ, включенный въ Санъ-Жерменскій мирный договоръ 1919 года. Въ этомъ трактатѣ устанавливается обязанность между прочимъ и чехословацкаго правительства «принять должныя мѣры къ тому, чтобы въ публичныхъ школахъ образованіе дѣтямъ давалось на ихъ **родномъ языкѣ**. Этотъ же договоръ признаетъ автономію Подк. Руси въ вопросѣ **языка**, **школь** и т. д.

Русская часть населенія Подк. Руси принадлежитъ, — сейчасъ увидимъ, — какъ вѣтвь, къ развѣсистому дереву русскаго народа, но его народные говоры отличаются существенными діалектологическими особенностями отъ обще-русскаго литературнаго языка, какъ въ Россіи рѣчь украинскаго, бѣлорусскаго и сѣверно-великорусскаго населенія.

Русло приобщенія украинскаго населенія къ культурѣ было начертано М. П. Драгомановымъ, родоначальникомъ украинскаго движенія: «главное дѣло — личный и общественный прогрессъ, прогрессъ политическій, социальный и культурный, — а національность есть только почва, форма и способъ... Мы можемъ быть увѣрены, что служа благу и просвѣщенію нашего народа, мы послужимъ тѣмъ самымъ и его національности: сохраненію и росту въ ней того, что въ ней есть добраго... Мова не святош, не пан людини, народа, а слуга його... Наши начальныя школы стали бы національными, если бы изъ нихъ и не былъ вытисненъ русскій языкъ» (Срв. «Чудачкі думкі» стр. 92, 101, 113).

Къ сожалѣнію, наша Подк. Русь не имѣла своего Драгоманова! Не нашелся вождь, который сказалъ бы: «въ нашихъ школахъ карпаторусское нарѣчіе, — народная рѣчь населенія, — должно быть въ живой связи съ русскимъ литературнымъ языкомъ, ибо лишь эта тѣсная связь можетъ обогатить нашъ неразвитой, къ потребностямъ XX столѣтія не приспособленный языкъ! Сохраняя самобытность нашихъ народныхъ говоровъ тѣмъ, что они будутъ точками отправленія въ нашихъ школахъ, необходимо расширять кругозоръ учениковъ, будущихъ интеллигентовъ. Подк. Руси, приобщеніемъ ихъ къ культурнымъ цѣнностямъ всѣхъ вѣтвей русскаго народа, всѣхъ славянскихъ народовъ и всего человѣчества!»

Нѣтъ, — мачеха — исторія намъ такого вождя не дала, слѣдовательно, учителя, профессора, интеллигенція безъ путеводной звѣзды блуждали во тьмѣ наивнаго націонализма, сепаратизма, шовинизма, ирредентизма и локаль-патріотизма съ одной стороны, — въ ядовитой атмосферѣ тенденціозности, нарочитости и умысла — съ другой. Оба направленія, и украинофильское и руссофильское, стараются прививать національность извнѣ, безъ того, чтобы приверженцамъ того или другого направленія удалось пробудить у насъ національное сознаніе, любовь къ своему!

Почему? Потому, что у насъ, какъ и въ Россіи, хотѣли придать нарѣчію значеніе литературнаго языка, безъ литературы, — потому, что смотрѣли на общерусскій языкъ, какъ на «чужой», «иностранный» языкъ.

За отсутствіемъ учителей и карпаторусской интеллигенции были допущены, иногда прямс призваны къ намъ эмигранты изъ Галиціи, Россіи, — которые, — при помощи Школьнаго Отдѣла, разъ тому, разъ другому направленію оказывающаго нравственную и денежную помощь, — постарались перепутать проблемы «языковаго вопроса», какъ

Гордієвъ узелъ! А Александръ Великій все еще не родился, чтобы развязать узелъ.

Въ педагогику ввелась тенденція, страницы нашихъ газетъ наполняются уличной бранью, и дѣло образованія личности нашего народа застряло на мѣстѣ, результаты въ школахъ плачевные, рѣчь учениковъ напоминаетъ одежду арлекина, скроенную изъ кусковъ русской и украинской матерій, но сохраняющую карпаторусскую кройку (**оружь**).

Предлагаемая вниманію карпаторусской интеллигенціи работа, имѣетъ быть попыткой научнаго разрѣшенія языковаго вопроса „*sine i a et studio*“ — является отчасти отвѣтомъ на рецензію проф. И. Поливки на книги: «Языковый вопросъ въ Подкарпатской Руси», (Игорь И. Гуснай, Пряшевъ 1921, и отвѣтъ на нее-же: «О письменном языкѣ подкарпатскихъ русинівъ», (о. А. Волошин, Ужгород, 1921).

Рецензентъ, проф. И. Поливка, такого мнѣнія, что И. И. Гуснай защищаетъ языкъ, «на которомъ вплоть до новаго времени писали подкарпатскіе писатели», — то есть русскій литературный языкъ. Онъ-же указываетъ на то, что языковый споръ „*se nesmírně rozjítřil v no ější době, když začali na školách působiti učitelé z východní Haliče*“.

Эти слова должно считать отвѣтомъ на слѣдующее мѣсто брошюры о. А. Волошина: «залѣзло до насъ нѣсколько фанатиковъ-яничаровъ цареславноѣ и большевисткоѣ Россіи, котрѣ сейчасъ и начали свою опасну, братоубійственную работу... интеллигенцію-же нашу роздвоили языковымъ вопросомъ». (Срв. стр. 4).

Если г. рецензентъ имѣлъ отвагу написать, что карпаторусской интеллигенціи въ Галиціи нечего искать, ибо: „*haličstí spisovatelé, právě tak jako podkarpaští nemohli sledovati vývoj*“ русскаго литературнаго языка, — то пусть будетъ мнѣ позволено доказать, что и совѣтская Украина мало, что можетъ дать намъ. (И. Иванченко: «на Україні нема жадної наукової літератури». (Срв. «Вивчення дитини» Харків 1923!).

Упомянутый рецензентомъ „*spisovný jazyk velkoruský (!)*“ абсурдъ, какъ нонсенсъ, содержащій въ себѣ логически контродикторные элементы объема и содержания понятія. О попыткахъ записыванія, описанія великорусской простонародной рѣчи языковѣды знаютъ, но «великорусскій — литературный языкъ» еще не созданъ! Такого нѣтъ!

Что письменный языкъ карпатороссовъ „*jest zajisté umělý*“, это объясняется по разсѣянности рецензента забытыми словами предыдущаго предложенія: „*všude se musí dítě učit spisovnému jazyku, odlišnému od prosté mluvy běžné v rodné chatě*“!

Слово «нація» происходит изъ латинскаго глагола „nasci“ родиться, слѣдовательно, принадлежать къ націи — значить родиться, но не въ плоти, а въ духѣ! Нація есть культурно-историческое понятіе, къ націи принадлежитъ тотъ, кто вросъ въ культуру народа. Нація есть естественный плодъ усилій, направленныхъ на достиженіе сверхнаціональных задачъ.

Нація, слѣдовательно, есть не антропологическій и не соціологическій тактъ, имющій точно очерченные и познаваемые признаки, — нація есть своеобразный стиль народнаго существованія, форма, которую принимаетъ творчество народа, направленное къ разрѣшенію общечеловѣческихъ культурныхъ задачъ! Не матеріальное «что», а формальное «какъ» существованія народа составляютъ его національный характеръ. Національный духъ не есть готовая и законченная въ себѣ субстанція, не готовая данная, — а длинный процессъ приобщенія народа къ культурѣ, цѣнности которой накоплены и созданы были въ средѣ даннаго народа творческими усиліями его сыновъ. Къ націи, слѣдовательно, нельзя быть просто причисленнымъ, а можно принадлежать болѣе или менѣе тѣсно, по мѣрѣ участія въ приобщеніи къ культурнымъ цѣностямъ, накопленнымъ даннымъ народомъ!

Если историческія условія не позволяютъ осуществитъ единеніе государственно, единеніе всетаки осуществляется на почвѣ культурной между людьми, принадлежащими къ одной и той же націи, примѣрами тому были до великой войны поляки, а теперь — мы!

Интернаціоналисты, космополиты смотрятъ на націю, какъ на сумму отдѣльныхъ людей, механически соединенныхъ подъ вліяніемъ историческихъ факторовъ. Мы, въ сознаніи важности вліянія принадлежности къ націи на всѣхъ насъ въ отношеніи культурнаго строительства каждаго народа, отбрасываемъ міровую скорбь интернаціоналистовъ и признаемъ себя индивидуумами, принадлежащими къ націи! Къ какой? Сознаніе культурнаго единства съ русскимъ народомъ ясно видно въ сочиненіяхъ нашихъ литераторовъ и будителей, лучшіе сыны карпаторусскаго народа за тысячелѣтнее свое существованіе явно доказали, что непоколебимо тверды въ отстаиваніи своей русской національности, несмотря на очень неблагоприятныя историческія обстоятельства и оторванность отъ остальныхъ вѣтвей русскаго народа.

Но нація, какъ выше видѣли, никогда не закончена, она постоянно творится! Нація есть непрерывное развитіе, сопровождающееся расширеніемъ культурныхъ задачъ, оживляющихъ отъ народа разрѣшенія! Передъ культурнымъ

творчествомъ народа все новыя цѣли дѣятельности, широкое поле современной культуры и просвѣщенія.

Сознаніе принадлежности къ русской націи проникло въ карпаторусскую народную толщу въ зависимости отъ степени образованія, культурности и экономического положенія у отдѣльныхъ. Ибо и эти факторы имѣютъ великое значеніе въ дѣлѣ національнаго осознанія! Национальнымъ сознаніемъ обладаютъ не въ одинаковой степени разные классы народа! У малокультурныхъ слоевъ оно весьма элементарно и непрочно, вѣковое угнетаніе ихъ привилегированными классами общества выражается въ склонности, податливости къ революціямъ, къ космополитизму, коммунизму! Такимъ способомъ въ средѣ народа должны быть «носители» національнаго самосознанія, которыхъ мы называемъ часто «будителями», «великими людьми» народа. Въ средніе вѣка носителями національнаго самосознанія были дворяне и священники, позже такъ называемая «буржуазія», — сегодня — представители «интеллигенціи»! Вообще можно сказать, что носителями національнаго самосознанія и единства являются тѣ члены даннаго народа, которые участвуютъ въ творствѣ культурныхъ цѣнностей, то есть представители наукъ, искусствъ, нравственности, религіи, правовой и государственной жизни, организаторы хозяйства, представители техники. Люди, оказывающіе вліяніе на образованность, гражданственность и цивилизацію, — однимъ словомъ **люди культуры** суть носителями національнаго сознанія.

Если нація является функціей культуры, если національное сознаніе зависитъ отъ участія въ культурномъ творствѣ, то ясно, что съ цѣлью углубленія національнаго сознанія необходима у насъ, въ Подк. Руси, широкая культурная работа съ одной стороны, экономическое развитіе съ другой. Народъ, пріобщенный къ культурнымъ цѣностямъ современности, народъ, освобожденный отъ экономического гнета, избавившись отъ наносныхъ элементовъ индиферентизма и интернационализма, станетъ быстро глубоко-национальнымъ!

Давъ вкратцѣ опредѣленіе понятія націи, изложивъ ея значеніе въ жизни народа и развитіи его культуры, — перейду непосредственно къ вопросу о національной принадлежности русской части населенія Подк. Руси.

Знаемъ уже, что національныя границы неопредѣленны, текучи, — тутъ добавляю, что онѣ часто не совпадаютъ съ языковыми границами. Гражданинъ, говорящій по англійски, можетъ себя не признавать принадлежащимъ къ англійской націи, напр. Американцы въ Сѣв. Соед. Штатахъ, — М. А. Максимовичъ, коренной украинецъ, настаивалъ на единствѣ «Земли Русской» и пишетъ объ украинцахъ, какъ о «внукахъ единого дѣда»!

Что о. А. Волошину удалось доказать, что подкарпатское нарѣчіе принадлежит къ малорусской или украинской группѣ, въ томъ нѣтъ ничего мудренаго, если смотрѣть на сегодняшнее діалектологическое состояніе сѣверныхъ частей Подк. Руси. Пусть будетъ мнѣ позволено освѣтить данный вопросъ съ точки зрѣнія происхожденія, фазъ развитія, симпатій и влеченій со стороны языка простого народа и образованныхъ людей, вышедшихъ изъ среды карпаторусскаго народа. По моему и эти данныя имѣютъ извѣстное значеніе и филологическій удѣльный вѣсъ въ анализѣ проблемы принадлежности языка и народа.

По словамъ г. рецензента : «газеты, издаваемые у насъ когда-то „obecně guským“ языкомъ „nenalézaly ohlasu a půdy u domácího lidu“.

На эти слова дамъ отвѣтъ въ части настоящаго труда о психологіи, логикѣ и физиологіи народной рѣчи и — словами о. А. Волошина: «не отповѣдае ани такъ званый украинскій литературный языкъ»!... Простому народу ни того, ни другого «не потреба»! И вполне естественно, народъ иначе говорить не можетъ. А образованнымъ, вышедшимъ изъ среды индифферентнаго народа, что нужно — увидимъ. Заключительныя слова рецензіи совершенно объективно выражаютъ настоящее положеніе вещей въ Подк. Руси въ смыслѣ отношенія къ письменному языку : «нельзя отрицать, что великая часть интеллигенціи и молодежи также придерживается еще (и будетъ!) мнѣнія, которое защищаетъ Гуснай», то есть къ русскому литературному языку.

А если по мнѣнію г. рецензента : «населеніе само имѣетъ право рѣшить, какой языкъ долженъ быть заведенъ въ школы и уряды», — пусть будетъ мнѣ позволено привести слова изъ органа величайшей въ Подк. Руси политической партіи (съ 5-го мая 1927) : «галичане распространяютъ польско-жидовскую мѣшанину... не то, что учиться, но даже и слухати мерзко одному истинному русину... сію мѣшанину только... половинокровникамъ пріятно слухати, а чистокровный русинъ сего на вѣки мерзится»!...!

Не въ болѣе салонной формѣ и не съ меньшей ненавистью говорятъ украинофильскіе круги о стремленіяхъ отдѣльныхъ карпаторусскихъ писателей пріобщить населеніе Подк. Руси къ потоку современной культуры посредствомъ русскаго литературнаго языка. Называютъ ихъ «москалями», «кацапами», ихъ языкъ «великорусскимъ» и непонятнымъ, — русскую культуру «чужой» и т. д. «Блудами» и «аберраціями» названы стремленія величайшихъ представителей письменности въ Угорской Руси однимъ изъ главныхъ представителей украинофильскаго движенія.

Силы разбиты! И процессъ раздробленія продолжается и сегодня, ибо часть, оторванная отъ цѣлаго, должна раздробиться опять. Часть печатныхъ изданій выходитъ языкомъ **«по нашему»**, вызывая острую критику со стороны — украинофиловъ, не признающихъ права существованія какого-то «русинскаго», «карпаторусскаго» литературнаго языка. И сегодня едва найдется интеллигентъ въ Подк. Руси, кому еще не были изъ того, или изъ другого лагеря брошены въ лицо слова: «вы по нашему не знаете»!

Вмѣсто позитивной работы на полѣ поднятія культурнаго уровня населенія — борьба, ненависть, грубость — и уничтоженіе всѣхъ добрыхъ начинаній!

Вотъ печальная картина современнаго положенія дѣлъ у насъ, — вотъ плоды неумѣлаго политиканства вождей карпаторусскаго народа!

Если же г. рецензентъ сказалъ бы мнѣ, что редакція «Русскаго Вѣстника» не является населеніемъ Подк. Руси, — то самое долженъ я утверждать по отношенію къ украинофильскимъ газетамъ и изданіямъ «Просвѣты». Мнѣніе населенія Подкарп. Руси выражаютъ не эмигранты изъ Галиціи и Россіи, но наши учителя, профессора, интеллигенты, вышедшіе изъ родной, карпаторусской среды. Рѣшенія учительскихъ конгрессовъ извѣстны! А если представители власти все еще не желаютъ прислушиваться къ голосу нашей интеллигенціи, желающей **поднять** народъ, а не **унизиться** къ его неграмотности, — то это значитъ, что наша борьба еще не увѣнчалась успѣхомъ, „pravda ne zvítěžila“ — но побѣдить!

Если же г. рецензентъ думаетъ разрѣшить нашъ вопросъ „ex cathedra“ словами: „podkarpatský lid jest větev maloruská“, — задача настоящаго труда доказать, что и въ томъ случаѣ **малорусская вѣтвь есть часть русскаго**, единого въ языковомъ и національномъ отношеніяхъ народа, — и это, — если бы и была доказана принадлежность къ малорусской вѣтви, въ чемъ имѣю право сомнѣваться, — и эта принадлежность не мѣшаетъ единству нисколько!

Приведу нѣсколько примѣровъ, что люди, вышедшіе изъ малорусской, подкарпатской среды, признали и признаютъ **себя русскими**, свой языкъ **русскимъ**, поскольку ихъ языкъ выходитъ изъ потребностей беллетристическихъ и научныхъ, а не остается «займанной народною рѣчью»!

I.

Что такое «нація»? Кто можетъ и долженъ признать себя принадлежащимъ къ той или другой націи?

Постараюсь дать отвѣтъ на эти кардинальные вопросы словами Гессена, Бидера, Бауэра и т. д.

Корни національнаго сознанія скрываются и въ **расѣ**. Индоевропейская (арійская) раса на пути дифференціаціи племенныхъ группъ, выдѣлила изъ себя великую группу **славянскихъ племень**, единое обширное славянское племя, особую **славянскую расу, славянской этнографическій и антропологическій типъ**. Правда, что смѣшеніе съ сосѣдними племенами обусловливало мѣстные измѣненія, и нарушило чистоту славянскаго типа, но у всѣхъ славянъ строеніе и происхожденіе **языка является общимъ**. Тѣ славянскія племена, которыя по языку включаются въ составъ славянъ, суть слѣдующія:

Восточная группа слагается изъ великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ.

Западная группа: поляки, полабскіе славяне, чехи и словаки.

Южная группа: словены, сербо-хорваты и болгары.

Несмотря на то, что приведенныя народныя группы дальше шли по пути дифференціаціи, на примѣръ восточная группа выдѣлила изъ себя украинцевъ, полѣщуковъ, русиновъ, галичанъ, изъ послѣднихъ покутянъ, подолянъ, бойковъ, гуцуловъ, гораловъ и т. д., принадлежность къ славянской группѣ индогерманцевъ, а именно къ восточной, русской группѣ славянскихъ племенныхъ группъ, — является очевиднымъ.

Русины, рутены, русняки — славянская народность, по мнѣнію многихъ представляютъ «отрасль» малороссійскаго племени, — удерживая для себя названіе «русинъ», въ множественномъ числѣ называютъ себя «русскими».

Русскій языкъ, какъ позже увидимъ, хотя имѣетъ много нарѣчій, поднарѣчій, говоровъ и переходныхъ говоровъ, — въ діалектическомъ отношеніи представляетъ собою самостоятельную вѣтвь славянскихъ нарѣчій или языковъ, ибо во всѣхъ нарѣчіяхъ, поднарѣчіяхъ и т. д. русскаго языка замѣчаются слѣдующія общія діалектологическія особенности:

1) полногласіе,

2) смягченіе «г» и «ш» въ «ж» и «ч»!

Эти двѣ особенности замѣчаются, повторяю, во всѣхъ **безъ исключенія развѣтвленіяхъ русскаго языка**, слѣдовательно и мало- и бѣло- и великоруссы говорятъ однимъ и тѣмъ же — **русскимъ языкомъ**! И русское населеніе Подк. Руси, — составная часть части единого цѣлаго, — **русскаго народа**.

II.

Было время, когда предки русскаго народа, не раздѣленные еще на вѣтви жили въ **прародинѣ**, безсознательное

вспоминаніе о ней является звеномъ, связью, прикрѣпляющей русскія поколѣнія, одно къ другимъ и всѣхъ въ одну совокупность.

Произошла ли дифференціація русскаго народа на вѣтви уже въ прародинѣ, или же разселеніе оттуда дало толчокъ къ дифференціаціи, вслѣдствіе разныхъ факторовъ, оказывавшихъ вліяніе въ новой средѣ, — является вѣчной тайной, но существованіе прарусской родины и единого быта въ ней прарусскаго населенія, является несомнѣннымъ.

Вопросъ о прародинѣ русскаго народа является для русской части населенія Подк. Руси важнымъ.

Первый русскій историкъ, составитель «Повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда пошла есть Русская земля», пишетъ: «по многихъ временахъ сѣли славяне по Дунаю, гдѣ нынѣ (XI в.) Угорская земля...» Отъ этихъ славянъ вывелъ лѣтописецъ различныя племена русской группы славянъ.

Въ народной традиціи славянскихъ народовъ въ самомъ дѣлѣ крѣпко удерживалась память о мѣстожительствѣ на Дунаѣ, который такъ часто воспѣвается.

Взглядъ на діалектологическую карту славянскихъ народовъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что упомянутая территория занимаетъ центральное положеніе по отношенію къ современной группировкѣ славянскихъ племенъ.

Римскіе и греческіе писатели **Плиніусъ Старшій**, **Тацитъ**, **Птоlemeусъ** указываютъ прямо на наши Карпатскія горы, какъ на первоначальное мѣстоительство славянъ.

Ученые, географы и лингвисты, стараясь опредѣлить по даннымъ географической номенклатуры и сравнительнаго языковѣднія исконное мѣстоительство славянъ, пришли къ мысли, что славянская прародина захватывала наши горы, Карпаты.

Византійскій писатель **Прокопій** (VI в.) въ своей «Исторіи» пишетъ: «склавины и анты **говорятъ** однимъ языкомъ», и по его разсказу идутъ непрерывные набѣги славянъ изъ за Дуная.

Отсюда пошли, слѣдовательно, на востокъ предки всѣхъ вѣтвей русскаго народа! Разрушеніе единства началось съ рокового историческаго момента, — это — утвержденіе венгровъ на нашей территоріи въ началѣ X вѣка. Связи между западными и южными славянами были разорваны.

До VII в. судьбы западной и восточной вѣтви славянъ складываются въ тѣсной взаимной связи, въ зависимости отъ одинаковыхъ обстоятельствъ и вліяній... «Славяне, разселяясь съ Карпатъ, вступаютъ подѣйствию особыхъ мѣстныхъ условій, сопровождающихъ и направляющихъ ихъ жизнь на протяженіи многихъ дальнѣйшихъ столѣтій», пишетъ проф. **В. Ключевскій**. (Срв. «Курсъ русской исторіи», часть I, стр. 130).

Исторію русскаго народа слѣдуетъ начинать не раньше половины IX в., ибо до того: «живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣstechъ, владѣюще кождо родомъ своимъ», по словамъ «Повѣсти о началѣ Русской земли», — нужно кончать большевицкимъ переворотомъ, возвратомъ къ временамъ до христіанскаго періода, до котораго люди жили: «звѣринскимъ образомъ, скотски», какъ сейчасъ въ СССР. Внутри этихъ историческихъ границъ ходъ, условія и успѣхи общежитія, жизнь вѣтвей русскаго народа, представляетъ собою **единый историческій** процессъ. Вѣтви русскаго народа, — историческія тѣла, возникшія, росшія переходя одно въ другое, — отношенія вѣтвей и внутренней жизни этихъ вѣтвей, какъ и отдѣльныхъ людей, совокупность которыхъ, выраженная словесной суммой, называется русскимъ народомъ, — составляютъ въ силу общаго происхожденія и родства языка **одно цѣлое!**

Русскія поколѣнія, находившіяся въ отношеніи «интеркорреляціи», въ взаимной связи, безчисленнымъ множествомъ нитей кровнаго родства, общностью исторической судьбы, взаимной помощи въ творчествѣ культурныхъ цѣнностей, сплетались, смыкались въ единую цѣпь, въ единый русскій народъ.

Культура одного русскаго поколѣнія родилась изъ культуры непосредственно предшествующаго русскаго поколѣнія, порождая въ свою очередь третій видъ русской культуры. Такъ накоплялся современный запасъ русской культуры до нашихъ дней единымъ, для всѣхъ частей русскаго народа общимъ историческимъ процессомъ.

Непрерывная смѣна русскихъ поколѣній на исторической сценѣ, необходимая цѣль исчезнувшихъ поколѣній и всеобщее участіе всѣхъ вѣтвей русскаго народа въ созданіи культурныхъ цѣнностей русскаго народа, — это привязываетъ и русскую часть населенія Подк. Руси къ русской націи, несмотря на діалектологическія и этнологическія особенности ея частей!

Посмотримъ теперь, на какія составныя части дѣлится русскій народъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, посмотримъ, до какой степени могутъ выдержать эти дѣленія научную критику!

Этнографы и антропологи выдѣляютъ, какъ особую группу, **бѣлорусское** населеніе. Но уже **Только Гринцевичъ** долженъ былъ различать западную, восточную группу и жителей Полѣсся! Послѣднихъ многіе изслѣдователи причисляютъ къ малорусскому племени, члены первой группы подпали сильному польскому вліянію, восточные же испытали продолжительное вліяніе великорусскаго племени!

Гдѣ же критеріи, симптомы, основаніе дѣленія? Какого бѣлорусса мы должны считать «стандартнымъ», гдѣ спо-

собы измѣренія отклоненія отъ нормальнаго типа? Сколько процентовъ бѣлорусскаго населенія представляетъ собою **переходную народность** къ мало- и великорусскому племени? Не является ли бѣлорусскій типъ смѣшаннымъ до такой степени, что мы вообще не въ состояніи указать на образецъ чистаго антропологическаго типа?

Отличаются ли рѣзко бѣлоруссы отъ мало- и великороссовъ, если такой признакъ, какъ бѣлокурость, по изслѣдованіямъ **Икова** и **Янчука**, констатируется лишь у 48% «бѣлорусскаго» населенія, а въ Смоленской губерніи этотъ процентъ достигаетъ лишь 30% по **Эйхгольцу**, то есть меньше, чѣмъ у велико- и малороссовъ?!

О несостоятельности діалектическаго дѣленія скажу нѣсколько слѣвъ во второй части студіи.

Спеціальной бѣлорусской образованности, гражданственности и цивилизаціи, отличающейся отъ общерусскихъ наукъ, искусствъ, нравственности, религіи, правовой и государственной жизни, хозяйства и техники, — нѣтъ! Въ литературѣ лишь слабыя попытки, въ расовомъ и діалектическомъ отношеніи переходное состояніе, смѣсь, — и вообще отсутствіе критеріевъ, дающихъ право назвать народность самостоятельной націей! Сегодня же, въ условіяхъ СССР, еще меньше шансовъ къ тому! Кромѣ агитаціонныхъ брошюръ, написанныхъ въ угоду правящей политической партіи, ничего въ Бѣлоруссіи нѣтъ, если не считать учебниковъ для начальныхъ школъ и печатныхъ изданій безъ всякой литературной и художественной цѣны, за исключеніемъ нѣкоторыхъ трудовъ недавняго происхожденія.

Этнографическія особенности и остальные признаки, характерные раньше для бѣлороссовъ, все болѣе и болѣе исчезаютъ и сглаживаются сегодня.

Камзолъ, коротышъ, жупанъ, куртка, шляпа въ видѣ ушечнаго конуса у мужчинъ, — рубаха съ вышивкой у плечъ, сарафанъ изъ синяго холста, шубка, лапти, каверзинъ, «цапоги» и «бушмаки» у женщинъ и мужчинъ, — все это не даетъ намъ право говорить о бѣлорусскомъ населеніи, какъ о націи! Лишенные всякихъ украшеній, крытыя соломою хаты, обработка земли простой сохою и деревянною бороною, молотьба отбивкою сноповъ, вообще весь экономическій бытъ вполне совпадаетъ съ бытомъ населенія Подкарпатской Руси, Малороссіи и Великороссіи.

Бѣлорусской вѣтви русскаго народа исторіей суждено остаться корнемъ, отдающимъ свой сокъ общему дереву, единому русскому народу.

Посмотримъ теперь слѣдующую вѣтвь единого русскаго народа, малорусское племя.

Малоруссы, малороссы, южноруссы, — по новой терминологіи «украинцы», — суть слѣдующіе представители одной изъ трехъ восточно-славянскихъ народностей, вмѣстѣ именуемыхъ русскими.

Но и съ ними бѣда въ отношеніи этнографической и антропологической чистоты типа расы!

Уже **Погодинъ** утверждалъ, что колыбель нынѣшняго южнорусскаго населенія, земля Кіевская, была до татаръ населена предками исключительно нынѣшнихъ — великороссовъ!

И проф. **Соболевскій** приходитъ къ заключенію, что древній кіевскій говоръ принадлежалъ къ числу говоровъ — великорусскихъ, малорусскій же языкъ былъ принесенъ въ Кіевскую область и въ Заднѣпровье съ запада изъ Галича, Волини и Подоліи въ XV вѣкѣ!

Вообще новое населеніе Украины что можетъ имѣть общаго съ древнимъ племенемъ «полянь», населявшихъ Кіевскую землю до татаръ? И самые ярые приверженцы этнографической самостоятельности малорусской вѣтви русскаго народа должны раздѣлить «украинскій типъ» на три типа! Украинскій, Полѣшскій и Подольско-Галицкій, между которыми и малоруссы признаютъ значительныя различія! Такъ напр. украинцы брюнеты, полѣщуки блондины, — цвѣтъ свиты у тѣхъ коричневый, у подолянъ сѣрый, у полѣщуковъ бѣлый. У украинцевъ рубахи вышиты, а свиты безъ вышивокъ, у подолянъ наоборотъ, а у полѣщуковъ и тѣ, и другія безъ вышивокъ! Подоляне носятъ рубаху поверхъ штановъ, прочіе прячутъ ее въ шаровары, — въ Полѣсѣ въ ходу лапти, чего у другихъ малороссовъ нѣтъ и т. д. безъ конца.

Чарующая прелесть народной поэзіи, рѣдкая мелодичность пѣсни, любовь къ музыкѣ и „last not least“ богатая литература, — все это не мѣшаетъ тому, чтобы и малорусское, какъ и бѣло- и великорусское населеніе было признано составной частью русской націи. «Капелюхи, застѣжка, хустка, черевики, вечорницѣ» и т. п. очень характерны съ точки зрѣнія этнографіи, но не имѣютъ рѣшающаго значенія въ вопросѣ принадлежности къ націи, являясь несущественными предметами фольклора!

Предоставляя для себя право поговорить о языкѣ малорусскаго населенія во второй части настоящей студии, и предполагая, что читатель настолько ориентированъ въ этнографіи и лингвистикѣ, что и великорусское племя русскаго народа должно считаться **народностью, а не націей**, — могу перейти къ изложенію нижеслѣдующихъ разсужденій.

Славяне, на основаніи не вполнѣ научной **абстракціи** антропологовъ и этнографовъ бѣло-, мало- и великороссами

названные, суть корни, сплетавшіеся въ теченіи длиннаго ряда столѣтій. Эти корни отдавали свои соки для общихъ плодовъ единой русской культуры. Разбросавшись по громадной площади, равной $\frac{1}{6}$ части свѣта, русскій народъ отъ Ужгорода до Владивостока, отъ Мурмана до границъ Китая и Индіи, выработалъ массу мѣстныхъ особенностей, обычаевъ и говоровъ. Русская земля питала разныя вѣтви, соки которыхъ дали общіе для всего дерева и для него, — не для вѣтвей, — характерные цвѣты и плоды, — **носителей русской культуры**, ученыхъ, писателей, художниковъ, воиновъ, политиковъ, общественныхъ дѣятелей, — вышедшихъ изъ родной имъ бѣло-, мало- и великорусской среды!

Неблагопріятныя для карпатороссовъ историческія условія, малочисленность данной части русскаго народа, отсутствіе предпосылокъ успѣшной, творческой работы во всѣхъ областяхъ созданія культурныхъ цѣнностей суть причинами того, что карпатороссы составляютъ часть «батраковъ» русской націи. Слѣдствіемъ приведенныхъ причинъ появились у насъ, въ Подк. Руси, «бифуркація» литературной дѣятельности писателей, вышедшихъ изъ родной карпаторусской среды, и современная туманность національнаго сознанія, его неясность. Начало свободной народной жизни омрачено «языковымъ споромъ», по винѣ тѣхъ вождей, которые: «не спознавали тоту страшну ненависть, котра розвилася в Галичинѣ из языковыхъ споровъ и котра межи москвофилами и украинофилами довела до страшныхъ междуособиць». Въ самомъ дѣлѣ, это могло произойти лишь по причинѣ «глубокой неоріентаціи» нашей публики (и вождей) въ данномъ вопросѣ. Къ сожалѣнію нельзя сказать, что: «Карпаторуссы стояли всегда на точкѣ зрѣнія единства русскаго литературнаго языка» (И. Гуснай), и вмѣстѣ съ тѣмъ на точкѣ зрѣнія русскаго націонализма. Мѣстные особенности языка и народа обострялись и общее, связывающее игнорировалось за границей уже давно! Русскій націонализмъ отрицался нѣкоторыми бѣло- и малороссами уже давнымъ-давно и передъ нами вводится малорусскій и бѣлорусскій націонализмъ.

У насъ въ Подк. Руси, приверженцы этого направленія называются украинофилами, или «народовцами», предшественниками которыхъ являются карпаторусскіе писатели, приведенные въ «Лит. стремлінняхъ» г. Бирчака и въ брошюрѣ о. А. Волошина, «О письм. языцѣ».

Сообщенныя въ началѣ настоящаго труда соображенія могутъ убѣдить читателя въ томъ, что литературныя стремленія нѣкоторыхъ писателей, и вообще языкъ населенія, не можетъ считаться доказательствомъ въ пользу принадлежности даннаго народа къ той или другой націи. Принадлежность къ націи рѣшается единственно отношеніемъ на-

родности къ культурнымъ цѣнностямъ вообще, въ смыслѣ восприниманія и созданія таковыхъ.

А въ данномъ отношеніи русское населеніе въ Подк. Руси до переворота находилось въ состояніи, напоминающемъ быть первобытныхъ народовъ. «Наша стара публика была переважно не читаюча, але слушаюча», и ея потребности не вышли изъ рамокъ церковныхъ проповѣдей и «оповідань».

Возможность пріобщенія широкихъ массъ населенія Подк. Руси къ широкому потоку культуры XX столѣтія накладывается на плечи карпаторусской интеллигенціи тяжелое бремя! Кромѣ церкви и школы и внѣшкольные просвѣтительныя учрежденія, общественная жизнь, духъ времени требуютъ большаго напряженія силъ со стороны носителей культуры и національнаго сознанія, чѣмъ до переворота.

Возможно ли упомянутое пріобщеніе къ культурѣ въ ядовитой атмосферѣ политиканства, въ духѣ безконечнаго дробленія силъ на лагери ведущихъ ожесточенную борьбу интеллигенціи?

Сколько разъ повторяемъ другимъ: «въ соединеніи сила!», и сами идемъ по пути, ведущему къ обособленію. Девизомъ будущаго должно быть соединеніе культурнаго творчества всѣхъ вѣтвей русскаго народа, и славянскихъ народовъ вообще!

Мы хорошо знаемъ, что большинство малорусской интеллигенціи считаетъ себя русской, признавая конечно мѣстныя особенности малороссовъ. Но такія же особенности нѣсколько меньшаго масштаба есть въ средѣ самихъ малороссовъ (Галиція и харьковская губернія) и великороссовъ (московская и самарская губ.)!!.

Въ заключеніе приведу нѣсколько выдержекъ по этому большому вопросу.

М. П. Драгомановъ, родоначальникъ украинскаго движенія въ «Чудацкі думкі» говоритъ, что: «украинцы есть составная часть русскаго народа, положеніе которыхъ внутри русскаго народа аналогично положенію провансальцевъ внутри народа французскаго. **Е. Науманъ** профессоръ университета въ Парижѣ пишетъ въ своей книгѣ: «*Le probleme de l'unité russe*» (1922. d. Rossard). «Между этими двумя вѣтвями (великор. и малорос.) одного и того же народа разница настолько незначительна, что почти невозможно опредѣлить. Разница въ характерахъ, впрочемъ обычная у всѣхъ южанъ, не мѣшаетъ общенациональной жизни. **Малорусскій языкъ**, утверждаетъ авторъ, не есть какой-то особый языкъ: крестьяне юга понимаютъ сѣверянь, а что касается интеллигенціи, то представители ея лучше знаютъ общелитературный русскій языкъ чѣмъ свой «*patois natal*», т. е. «*рідну мову*». Историческія традиціи и культура не отдѣлили, а

скорѣе связывали малороссовъ съ великороссами: цари освободили малороссовъ отъ поляковъ и сломили власть татаръ. Сепаратистскія стремленія вообще очень юны и искусственны въ Малороссіи и всемѣрно поддерживаются австро-германцами, которые, въ своекорыстно - политическихъ цѣляхъ, не жалѣли средствъ на пропаганду.

Великороссовъ выдѣлили въ особый народъ «москалей» или «россіянь» идеологи польскаго націонализма. За этими «россіянами» готовы были не признавать права на славянство и объявить ихъ татарами!

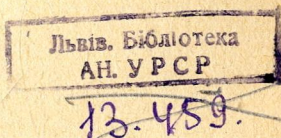
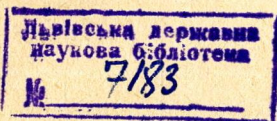
М. А. Максимовичъ, первый ректоръ кіевскаго университета, коренной малороссъ по происхожденію, горячо любившій свою родную Малороссію, рѣзко возставаъ противъ польскихъ національныхъ притязаній и настаиваъ на единствѣ «Земли Русской», созданномъ кровной близостью велико-, мало- и бѣлорусскихъ вѣтвей и ихъ исторіей: «Московская и Кіевская Русь», — пишетъ онъ, «двѣ стороны одного русскаго міра»... «Мы есмы не угры, ни ляхове, но единаго дѣда есмы внуцы», — пишетъ онъ же въ письмѣ Погодину (1857).

Итакъ вкратцѣ я указаль, что колыбелью русскаго народа является Прикарпатъе, отсюда, оставивъ часть своихъ родовъ, а можетъ быть и семей, пошелъ русскій народъ расширяться на востокъ. Что бы ни говорили враги наши, историческая правда за насъ, и мы можемъ смѣло говорить о единствѣ нашего народа. Отсюда невольно напрашивается выводъ, что: **мы, карпаторуссы, потомки оставшихся, сыны этого единаго Русскаго народа!** Несомнѣнно, что будучи оторваны въ теченіи тысячелѣтія отъ остальной массы русскаго народа, мы кое-что позаимствовали отъ своихъ сосѣдей, часто по неволѣ, но это не значитъ еще, что мы стали особымъ народомъ! Основаніе моего утвержденія я нахожу въ нашей исторіи.

Размѣры моей работы не позволяютъ мнѣ подробно останавливаться на историческихъ данныхъ и поэтому я приведу лишь нѣсколько примѣровъ подтверждающихъ мою точку зрѣнія.

Въ XI вѣкѣ, во время религіозной борьбы, карпаторуссы дрались сначала подъ предводительствомъ своего мѣстнаго русскаго князька Самуила, а потомъ призвали изъ Руси короля Андрея I и подъ его начальствомъ продолжали войну съ нѣмецкими императорами (Петровъ А.).

Въ XIII изъ переписки короля угорскаго Бѣлы IV и короля угорскаго Стефана V мы видимъ, что своихъ подданныхъ въ Угорской Руси они называли русскими.

Въ концѣ XIV и началѣ XV вѣковъ при кн. Феодорѣ Коріатовичѣ пришедшіе съ нимъ русскіе изъ русской Литвы нашли на мѣстѣ русское населеніе и перемѣшались съ нимъ.

Въ XIV и XVII вѣкахъ карпаторусское населеніе, несмотря на сильное противодѣйствіе, получало книги изъ южной Россіи, а въ XVIII вѣкѣ изъ Московіи, въ этомъ же вѣкѣ довольно часто упоминается о Московскихъ книгоношахъ ходившихъ по Подк. Руси. (А. Петровъ).

Въ 1680—1681 г. **Л. Колоничъ**, Нейштадскій епископъ, въ цѣляхъ униатской пропаганды среди карпатороссовъ, заказалъ въ Тернавѣ русскій шрифтъ. Изъ изданій для угороссовъ извѣстны книги напечатанныя въ 1692, 1698 и 1727 годахъ русскимъ шрифтомъ: Казуистика, катехизисъ и др.

Середина XIX вѣка ознаменовалась особенно сильнымъ національнымъ подъемомъ. Вотъ что пишетъ угороссъ въ славянскомъ сборникѣ за 1875 г.: «Всепоглощающій мадяризмъ самымъ большимъ преступленіемъ считаетъ ту нашу дерзость, что мы въ виду великой Гунгаріи осмѣливаемся присваивать себѣ эпитетъ «Руси», и при томъ еще Угорской... Съ 1857 г. въ Ужгородской семинаріи началъ водворяться Русскій духъ. Всѣ лучшіе воспитанники были на сторонѣ Русской народности и съ большимъ усердіемъ предавались изученію Русскаго языка... наше монашество въ разговорѣ по преимуществу употребляетъ русскій языкъ». Дѣятельность и взгляды на нашу національную принадлежность А. И. Добрянскаго, І. Раковскаго, К. Сабова, А. Духновича и другихъ ихъ помощниковъ намъ хорошо извѣстны.

Чрезвычайно интересная книга появилась на дняхъ на чешскомъ языкѣ «Seznam Osad» 1927. Изданіе Академіи Наукъ въ Прагѣ, переводъ мадярской книги: Pesthy «Helység névtár»-а. Въ ней мы находимъ важныя данныя о нашей національной принадлежности по селамъ:

Въ с. Долгое «стародавныя обыватели села чисто русскіе» (sic!).

Въ с. Голятинѣ «населеніе пришло изъ «Русской» Литвы».

Въ Абауйскомъ комитатѣ въ с. Башковѣ находится «Московска ул.».

Въ Гидашъ-Немети есть «Московска лощина».

Въ Прислопѣ: «Предки населенія пришли изъ Россіи (sic!).

Много разъ упоминается, что жители такого-то русскаго села не похожи, ни на галичанъ, ни на потомковъ Коріатовича, а пришли вмѣстѣ съ мадярами, напр. въ Уйбаріово, Золотарево, Шандрово и т. д.

Село **Зарѣчье** — «было до прихода мадьяръ 3 семьи, увеличилось приливомъ русскихъ во времена Коріатовича. С.с. Ясина, Березники, Ниж.-Быстрое, Березово и нѣкоторыя другія населились лишь въ XVIII столѣтіи пришельцами изъ Галиціи (они то и явились малорусскимъ элементомъ), до ихъ прихода въ указанныхъ мѣстахъ было иногда по 2—4 семейства.

Село **Легнава** — «населено русскими изъ Польши (Галиціи) отличающимися отъ прежде поселившихся здѣсь **Карпаторуссовъ**».

Причины переселенія изъ Галиціи — голодъ, засуха, холера...»

Всѣ вышеуказанныя данныя говорятъ о мѣстномъ **карпаторусскомъ населеніи**, какъ о русскомъ, или о передвиженіи населенія изъ Московской и Литовской Руси или изъ Галиціи или, наконецъ, о связяхъ мѣстнаго русскаго населенія съ Московской и Кіевской Русью. Какіе же выводы можно сдѣлать изъ нихъ?

Коренное населеніе Подкарпатской Руси есть русское, имѣющее своими отдаленными предками тѣ Праславянскія и Прарусскія племена, которыя населяли нашъ край въ III—V вѣкахъ и потомъ частью двинулись на востокъ!

Время отъ времени происходили частичныя передвиженія населенія изъ нынѣшнихъ Велико- Бѣло- и Малороссій и обратно, эти передвиженія способствовали сохраненію русской національности и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшали выявиться какимъ либо особенностямъ одной изъ русскихъ вѣтвей. Несомнѣнно, что эти передвиженія могли частью ускользнуть отъ историковъ и были чаще, чѣмъ мы думаемъ, въ особенности могли они имѣть мѣсто во время нашествія татаръ, съ одной стороны и турокъ — съ другой.

Связи мѣстнаго населенія съ Русью, а позже съ Россіей, несмотря на всю трудность и опасность таковыхъ, происходили все время и что особенно цѣнно и въ данномъ отношеніи значительно, эти связи были **культурно-просвѣтительнаго характера**, происходили въ такой обстановкѣ, когда за нихъ люди платились свободой. Онѣ ясно доказываютъ какую то органическую связь мѣстнаго населенія съ остальнымъ русскимъ народомъ.

Чрезвычайно характерны свѣдѣнія о печатаніи книгъ «русскимъ» шрифтомъ. Очевидно, несмотря на всѣ старанія тогдашнихъ властей, и противъ ихъ воли конечно, нельзя отрицать «русскости» Угорской Руси.

Историкъ и славяновѣдъ **А. Погодинъ** пишетъ между прочимъ: «угророссы не хотѣли опредѣлиться какъ отдѣльный отъ русскаго народъ».

При всякой возможности лучше представители карпатской интеллигенции вели борьбу за свое национальное существование и проявление своей русскости. Имена Духновича, Фенцика, Добрянского, Раковского навсегда будут связаны с этой почетной борьбой.

Итакъ въ конечномъ выводѣ мы должны признать, что мѣстное населеніе есть русское, не принадлежащее цѣликомъ къ малорусской вѣтви великаго и единого русскаго народа, какъ утверждаютъ «наши» галичане и украинцы!

ИЗДАНИЯ О-ВА ИМ. АЛ. ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ.

1. Евменій Сабовъ: Грамматика русскаго языка для средн. учебн. зав. Подк. Руси. Ч. I. Этимологія. Ужгородъ 1924 г. 12 кч.
2. В. А. Францевъ: Къ вопросу о литературномъ языкѣ Подкарпатской Руси. Ужгородъ 1924. (Разошлось). 2 кч.
7. О литературномъ языкѣ карпатороссовъ и грамматикѣ Евменія Сабова. Ужгородъ. 1925. 2 кч.
8. Евм. Сабовъ: Очеркъ литературной дѣятельности и образованія карпатороссовъ. Ужгородъ 1925. 4 кч.
11. Д-ръ Ю. Гаджега: Общество им. А. Духновича и русскія женщины. Ужгородъ. 1925. 2 кч.
13. Д-ръ I. Каминскій: Національное самосознаніе нашего народа. Памяти А. Духновича. Ужгородъ. 1926. 2 кч.
14. Евм. Сабовъ: Рѣчь по случаю открытія памятника А. Духновичу въ Севлюшѣ. 1925. 2 кч.
16. Д-ръ Юлій Гаджега: Исторія Общества св. Василя Вел. и рѣчь ко дню 60-лѣтія отъ его учрежденія. 1925. (Разошлось). 5 кч.
- 3, 4, 5, 6, 9, 10, 12, 15, 17, 18 и 19. Народн. бібліотека. (Распродано).
20. П. С. Федоръ: Краткій очеркъ дѣятельн. А. И. Добрянскаго. 1926. 2 кч.
21. Е. Сабовъ: Рѣчь по случаю открытія памятн. А. Е. Фенчика. 1926. 2 кч.
22. Д. Н. Вергунъ: А. Е. Фенчикъ и его мѣсто въ русской литерат. 2 кч.
23. Н. Павловичъ: Русская культура и П. Русъ. 1926. (Разошлось). 2 кч.
24. Д-ръ С. Фенчикъ: Дѣятельность О-ва Духновича. 1922-1926. 8 кч.
25. Д-ръ I. Каминскій. Народный Календарь О-ва Духновича на годъ 1927. (Разошлось). 5 кч.
26. Духновичъ—Ст. Фенчикъ: Нашъ національный гимнъ. 1926. 2 кч.
27. А. Бобульскій: «Нѣмая неѣста». Пьеса въ 1 дѣйств. 1926. 2 кч.
28. И. Лаппо: Происхожд. украинск. идеологіи новѣйш. врем. 1926. 2 кч.
29. Д-ръ Ю. Гаджега: Краткій обзоръ научной дѣятельности Ю. И. Венелина (Гуцы). 1926. 5 кч.
30. Проф. д-ръ А. Петровъ: Древнѣйшая церк.-слав. грамота 1404 г. о Карпаторусской территоріи (съ фотогр. снимкомъ грамоты). 3 кч.
31. Д-ръ С. А. Фенчикъ. Народный Календарь О-ва Духновича на годъ 1928. 7 кч.
32. Д. Анталовскій: «Рождественская ѣлка», пьеса въ 2 д. 1927. 2 кч.
33. Д-ръ К. Н. Шимановскій: «Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ и при внезапныхъ заболѣваніяхъ». 1927. 2 кч.
34. П. С. Федоръ: «Несчастная судьба», пьеса въ 4 дѣйств. 8 кч.
35. Д-ръ Ю. Гаджега: Исторія Ужгородск. Богосл. Семинаріи. 1928 6 кч.
36. Андрей В. Карабелешъ: Собраніе стихотвореній.
37. Валерій С. Вилинскій. Корни единства русской культуры — ц. 5 кч.
38. Георгій Верховинскій: Юрко Русинъ и его внучка — ц. 3 кч.
39. Ир. М. Кондратовичъ: Къ исторіи стародавняго Ужгорода и Подкарпатской Руси. — ц. 5 кч.
40. Антоній Луковичъ: Національная и языковая принадлежность русско-й части Подкарпатской Руси.
41. Стихотворенія А. Попрадова-Ставровскаго, собр. д-ръ Н. Бескидь
42. Д-ръ Ю. Гаджега: Два историческихъ вопроса, 1928. — ц. 5 кч.
43. Д-ръ Н. Бескидь: Изъ славянскаго прошлаго. (Печатается).
44. Народный Календарь О-ва на 1929 г. подъ ред. Д-ра Степана А. Фенчика, 1928. — ц. 4 кч.
45. Проф. Ѳ. Ѳ. Аристовъ: Библиографическій перечень творчества А. В. Духновича, 1928. — ц. 1 кч 50 гел.
46. Д-ръ Евгений Недзѣльскій: Изъ чешской лирики. 15 кч.
47. Проф. А. Флоровскій: Замѣтки И. С. Орлая о К. Руси. 2 кч.
48. В. А. Францевъ: Десять лѣтъ свободной жизни Чсл. народа. 3 кч.
49. Д-ръ Ст. А. Фенчикъ: Галиція. 3 кч.
50. Д-ръ Н. А. Бескидь: Попрадовъ (печатается).

7183 ^р_л

СПИСОКЪ ПРОИЗВЕДЕН

НАПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ 1928 Г. ВЪ ЖУРН. «КАРПАТСКИЙ СВѢТЬ».

I. Художественная литература:

а) Стихи: Андрея В. Карабелеша — «Карпатский Свѣтъ» (3), «Христосъ Воскресъ» (49), «Духновичу» (50), «Quo vadis» (83); Михаила Румянцова — «Тоска по Родинѣ» (108), Василия Ильинскаго — «Я въ жизни только рыбарь» (252), «Какъ звонкая земля...» (281); Левъ Гомолицкій — «Русскій Народъ» (326), Сонетъ (333).

б) Проза: Георгій Верховинскій — «Юрко Русинъ и его внука» (8—21, 57—66), I. И. Дюлай — «Когда цвѣты бесѣдуютъ...» (148—155), Евгений Чириковъ — «Шуточка жизни» (297—300), А. Яблоновскій — «Дѣтское» (300—303), В. К. — «Ночь подъ Р. Х.» (343—348).

II. Научная литература и публицистика:

а) Исторія: Валерій Вилинскій — «Корни единства русской культуры» (21—29, 66—72, 111—123), Ириней Кондратовичъ — «Къ исторіи стародавняго Ужгорода и Подкарпатской Руси до XIV в.» (72—76, 165—180), Д-ръ Степанъ Фенцикъ — «О-во св. Василія Великаго въ 1886 г.» (109—111), проф. Н. Могиланскій — «Подкарпатская Русь и національный вопросъ» (155—159), Д-ръ Наталья Шкирманъ — «Духновичъ и національный вопросъ» (159—165), о. Ириней Ханатъ — «О похоронахъ А. И. Добрянскаго» (229—233), о. Викторъ Ройковичъ — «Прощальное слово надъ могилой А. И. Добрянскаго» (232—236), проф. д-ръ В. А. Францевъ — «Десять лѣтъ свободной жизни Чсл. народа» (303—314), проф. А. Флоровскій — «Замѣтки И. С. Орлая о Подк. Руси» (332—339), А. М. — «Исторія деревни Изы» (371—372).

б) Литература и филологія: Д-ръ Степанъ Фенцикъ — «Русскій языкъ и русская литература» (29—31), «Левъ Толстой» (201—205), Д-ръ Николай Бескидь — «Духновичъ» (51—57), «Попрадовъ» (236—241, 269—276, 314—326), проф. Ф. Ф. Аристовъ — «Библиографическій перечень творчества А. В. Духновича» (221—229), Д-ръ Евгений Недзельскій — «О чешской поэзіи, преимущественно лирической» (205—221, 253—286), проф. Д-ръ Ю. А. Яворскій — «Карпаторусское поучение о снахъ» (282—286), Юлій Русъ акъ — «Данныя сравнит. русской филологіи» (286—289), проф. Антоній Луковичъ — «Языковая и національная принадлежность русскаго населенія Подк. Руси» (326—332).

в) Астрономія и геологія: проф. В. В. Стратоновъ — «Венера, какъ будущая колонія земли» (76—77), «Атлантида» (77—78), Д-ръ Евгений Фенцикъ — «О возникновеніи Карпатъ по новѣйш. теоріямъ» 180—184).

г) Публицистика: Арх. Е. И. Сабовъ — Предисловіе (1—3), «Къ учащейся молодежи» (184—185), «Годъ изданія журнала» 335), Д-ръ Степанъ Фенцикъ — «Пятое Общее Собраніе О-ва им. А. Духновича» (97—101), «Югославія» (276—282), «Галиція» 373—381), В. К. Могилницкій — «Карпаторусское студенчество» (81—83, 129—133).

III. Отдѣлъ хроники:

а) Театръ и искусство — (85—87, 133—134, 241—243, 187—190, 289—290).

б) «Возрожденіе», органъ карпаторусской молодежи (31—37, 81—85, 129—133, 184—186).

в) Хроника дѣятельности О-ва им. А. Духновича (37—41, 87—92, 135—140, 190—193, 243—246, 290—292, 339—342, 379—390).

IV. Отдѣлъ библиографіи:

Отзывы и списки книгъ и журналовъ (43—45, 93—96, 140—145, 193—200, 246—248, 292—297, 342—345, 390—392).

#

ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬН. ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ

ВЫПУСКЪ 40

АНТОНІЙ ЛУКОВИЧЪ.

Національная и языковая принадлежность
русскаго населенія Подкарп. Руси.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КАРПАТСКИЙ СВѢТЬ».

УЖГОРОДЪ,
ТИПОГРАФІЯ «ШКОЛЬНОЙ ПОМОЩИ».

1929.